

УРГЕНЧ ВЫСТОИТ

ГЕННАДИЙ КАЗАНЦЕВ

Геннадий Казанцев Ургенч выстоит

<https://litres.ru/74605322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Май 2026 года. Гидротехник Глеб Бродов попадает в соляную бурю на высохшем дне Арала, а наутро стоит у живой реки, которой здесь нет уже сорок лет. Кипчакские всадники принимают его за татарского лазутчика и везут в столицу Хорезма. Она называется Ургенч, и Глеб знает: Ургенч стоит и в его время. Значит, выстоит и сейчас. На этой уверенности он начинает новую жизнь. А с востока уже идёт войско Чингисхана.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЫСОКАЯ ВОДА. Глава 1.	4
Аралкум	
Глава 2. Живая вода	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Геннадий Казанцев

Ургенч выстоит

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЫСОКАЯ ВОДА. Глава 1. Аралкум

Под колёсами хрустели ракушки.

Сначала Глеб принял этот звук за гравий, потом опустил стекло и посмотрел вниз. Колея шла по белёсой корке, и в корке, как изюм в тесте, сидели створки — мелкие, ребристые, выбеленные до цвета мела. Море ушло отсюда, когда Глеб ещё ходил в школу, и оставило солнцу всё, что лежало на дне.

— Дед мой тут на баркасе ходил, — сказал Бердах, не отрывая глаз от колеи. — А мы на буханке ездим. Прогресс, ака.

Ака значило «старший брат»: так здесь обращались к любому, кто старше. Бердах засмеялся первым, и Глеб засмеялся тоже, хотя смешно не было ни ему, ни, кажется, самому Бердаху.

Водхозовская «буханка» была старше своего водителя: продавленные сиденья, запах бензина и горячей резины, на зеркале чётки из оливковых косточек. Утром, выезжая из

Муйнака, они проехали мимо кладбища кораблей. Ржавые сейнеры стояли на песке рядком, носами туда, где когда-то была вода, будто ждали команды отдать швартовы. На борту ближнего кто-то нарисовал синюю рыбу с открытым ртом.

Дело у Глеба было простое и скучное, если не знать, о чём оно. В западной дельте в разные годы насыпали земляные дамбы, чтобы удержать в озёрах ту воду, которую ещё отдавала река. На этих валах держалось всё, что осталось от прежней дельты: камыш, рыба, ондатра, птица и люди, которые жили с камыша, рыбы и птицы. Глеба позвали посмотреть, сколько дамбам осталось. Договор подписывали в Ташкенте люди, которых он видел один раз. Институт в Астрахани отпустил его на два месяца, и вторую неделю он ходил по насыпям со щупом, рулеткой и блокнотом в клеёнчатой обложке.

Полжизни он смотрел, где вода ищет себе дорогу. Ищет она всегда. Сначала откос мокнет там, где ему положено быть сухим. Потом у подошвы появляется грифон — ключ, который бьёт из земли и несёт с собой песок. Если в струе есть песок, значит, вода уже прогрызает ход сквозь тело насыпи и по зёрнышку уносит грунт. Это называется суффозией. Ход растёт, грифонов становится больше, и однажды дамба садится, как подрубленная. Глеб видел такое на Волге и на Кубани. Видел и то, что бывает потом: дома по окна в воде, лодки посреди улиц, людей на крышах. С тех пор он не выносил, когда про дамбу говорили «стоит же».

— Сегодня последняя, — сказал Бердах. — Потом Нукус, потом домой полетишь.

— Если ничего не найдём.

— Найдём. Ты всегда находишь, ака.

Вечером в гостинице пришло сообщение от Лизы: «Пап, ты там не сгни». Глеб сфотографировал из окна выцветший плакат с рыбой и ответил: «Тут море высохло, а я пока держусь». Дочь прислала смеющийся смайлик и пропала. В Петербурге у неё была своя жизнь, и Глеб давно научился не просить у неё больше, чем она давала сама.

В Ургенч он прилетел ночным рейсом из Москвы. Утром, пока ждал машину до Нукуса, прошёлся от гостиницы до базара: широкие проспекты, пятиэтажки с кондиционерами на каждом окне, банки с зеркальными фасадами, у базара горы редиски и первой клубники. Ни одной старой стены. Старину, объяснил таксист, смотрят в Хиве, а Ургенч — город рабочий. Глеб кивнул. Хорезм для него был Хивой с открыток, Бируни из школьного учебника и словом «алгоритм», которое, как ему однажды сказали, пошло от имени здешнего математика. На этом его знания кончались.

В Нукусе, в единственный выходной, он зашёл в краеведческий музей переждать жару. В зале природы, между пеликаном и сайгаком, стоял тигр. Небольшой, выцветший до соломенного цвета, с мутным стеклянным глазом. Табличка сообщала, что это последний туранский тигр, убитый в дельте Амударьи в сорок девятом году. Глеб простоял перед ним

дольше, чем перед черепками и монетами, и сам не понял почему.

*

Бердах первым заметил, что горизонт на севере пожелтел. Сначала это походило на марево, какое бывает в жару над солончаками. Потом марево поднялось, загустело и стало цвета чая с молоком. Солнце ещё светило, но небо над головой выцвело, будто его протёрли наждаком.

— Аралкум идёт, — сказал Бердах, и смеяться ему больше не хотелось.

Аралкумом здесь звали пустыню, выросшую на месте моря. Соль, песок и всё, что десятилетиями стекало в реку с хлопковых полей, лежало на бывшем дне тонкой пудрой и ждало ветра.

— В восемнадцатом году такая была, тоже в мае, — сказал Бердах. — В Нукусе днём с фарами ездили. В Хорезме листья на деревьях белые стали, как в инее. Соль.

— Повернём?

— До Муйнака час. До дамбы двадцать минут, там вагончик у шлюза. — Он прибавил газу. — Успеем.

Они не успели.

Буря пришла не стеной, как показывают в кино, а сразу отовсюду. Свет стал жёлтым, потом бурым, потом серым. Солнце не спряталось, а выцвело: медный пятак, бледное пятно, ничего. Ветер ударил в борт так, что буханку качнуло, и по стёклам зашуршало, словно кто-то сыпал на крышу

песок из мешка. Через минуту Глеб перестал видеть капот.

Бердах вёл вслепую, высунув голову в окно и сощурившись так, что глаза превратились в щёлки. Колею он ещё угадывал по тому, как тянуло руль. Потом руль потянуло иначе, нос машины нырнул, задние колёса взвыли и пошли юзом. Буханка встала, накренившись на правый бок.

— Шор, — сказал Бердах и добавил по-каракалпакски что-то, чего переводить не требовалось.

Шором здесь звали солончак: сверху сухая корка, под ней жидкая глина.

— Сиди, ака, гляну.

— Не выходи. Переждём.

— Я у колеса. Доску подложу — выедем.

Он толкнул дверь, и ветер вломился в кабину вместе с солью. Глеб зажмурился, а когда открыл глаза, дверь уже хлопнулась. За боковым стеклом мелькнуло тёмное пятно и растаяло.

Глеб ждал. Минуту, две. В кабине стало трудно дышать, на зубах скрипело. Утром Бердах сунул ему клетчатую арафатку: «Возьми, пригодится». Глеб тогда отмахнулся, но платок взял. Теперь он обмотал им лицо до самых глаз.

Снаружи коротко крикнули. Голос был близкий и какой-то не такой.

— Бердах!

Ничего. Вой, шорох по железу. Глеб открыл свою дверь, придержал её плечом и шагнул вниз.

Ветер оказался плотным, как вода. Он толкнул в грудь, забил глаза солью, сорвал с головы панаму. Глеб нагнулся за ней — машинально, как нагибаются за упавшими ключами, — и выпустил дверь. Выпрямился. Протянул руку туда, где только что была машина.

Рука ушла в пустоту.

Он шагнул раз, другой, третий. Буханка стояла здесь, в двух метрах, он знал это так же твёрдо, как собственное имя, но пальцы хватали воздух, а ботинки на каждом шагу проламывали корку и вязли в глине под ней. Он позвал Бердаха, потом закричал и не услышал собственного крика.

Тогда Глеб сделал то, что советуют все инструкции и чего почти никто не делает: остановился. Сел спиной к ветру, подтянул колени к груди, поправил на лице арафатку и стал ждать.

*

Ждать пришлось долго.

Сначала он считал. Шестьдесят ударов сердца — минута. На двадцатой минуте сбился и начал сначала. Ветер не стихал, он только менял голос: то выл, то шипел, то рокотал, как поезд в тоннеле. Соль лезла под платок, в уши, за воротник, разъедала глаза. Пить хотелось уже через час, а бутылка с водой осталась на сиденье буханки, в двух метрах, которых больше не было.

Время от времени Глеб звал Бердаха. Голос уносило, едва он открывал рот. Тогда он перестал звать Бердаха и стал

думать.

Бердах местный. Бердах знает, что делать в буре. Бердах наверняка сидит сейчас у колеса, привалившись к борту, и тоже ждёт. Утром ветер стихнет, они увидят друг друга в десяти шагах и будут долго смеяться. Глеб повторял это про себя, пока не начал верить.

Стемнело незаметно: серое стало бурым, бурое — чёрным. Глеб достал телефон. Связи не было, заряда оставалось на донышке. Он включил фонарик. Луч упёрся в летящую соль и погас в ней, как в молоке. Глеб выключил свет и спрятал телефон. Через час достал снова — экран остался чёрным.

Он думал о Лизе. О том, что так и не съездил к ней в Петербург на Новый год. О бывшей жене, которая, наверное, скажет: «Я всегда знала, что эти твои дамбы...» — и не договорит. О насыпи у шлюза, до которой они не доехали: двадцать минут, вагончик, чайник на плитке. Думал о воде. Странно было сидеть посреди бывшего моря и мечтать о глотке воды.

Под утро ветер сменил голос.

Глеб не сразу понял, что изменилось. Вой стал глуше и ровнее, и в нём проступил другой звук, низкий, плотный, знакомый. Так шумит вода на водосбросе, когда подняты все затворы. Глеб поднял голову. Пахло не солью. Пахло мокрым камышом, илом, рыбой — Волгой в мае, когда она выходит из берегов и заливают ерики, мелкие протоки дельты, до са-

мых огородов.

«Мерещится», — подумал он. Воздух под платком стал влажным и прохладным, голова закружилась, как в детстве на карусели. Глеб лёг на бок, уткнулся лицом в сгиб локтя и закрыл глаза, чтобы не видеть того, чего не было.

*

Разбудили его птицы.

Он долго лежал не шевелясь и слушал. Свистели кулики, где-то поблизости кричала лысуха, в вышине, перекликаясь, тянули гуси. Ветра не было. Совсем.

Глеб сел. Глаза резало, веки слиплись от соли. Он протёр их рукавом и увидел воду.

Она стояла в трёх шагах от его ботинок — мутная, светло-бурая, спокойная. Над ней поднимался туман. Дальше стеной шёл камыш выше человеческого роста, с прошлогодними метёлками. Слева из тумана выплыли два пеликана и тяжело, без единого взмаха, прошли над водой. Солнце висело низко над камышом, красное, умытое.

Под ладонями была не соляная корка, а влажный ил, проросший травой.

— Бердах! — позвал Глеб.

С отмели поднялась цапля и неторопливо улетела.

Глеб встал и повернулся на месте. Вода, камыш, туман, кусты гребенщика в розовом цвету — такие росли и у них, в низовьях Волги. Ни буханки. Ни колеи. Ни вагончика у шлюза. Ни одной пластиковой бутылки на берегу, хотя за две

недели он привык видеть их у любой воды.

Он искал глазами то, что видел всю дорогу от Муйнака: линию электропередачи вдоль трассы, бетонные опоры и провисшие между ними провода. Опоры шли до самого горизонта, и их было видно откуда угодно.

Опор не было.

Где-то за камышом тяжело, по-сазаньи, плеснула рыба. Глеб стоял у воды, которой здесь не было сорок лет, и не мог отвести от неё глаз.

Глава 2. Живая вода

Пить хотелось так, что это мешало думать.

Глеб опустился на колени у края воды, зачерпнул пригоршню и понюхал. Пахло илом и тиной, ничем больше. Он отпил глоток, подержал на языке. Пресная. Мягкая, чуть сладковатая, с песком, который хрустнул на зубах. Он пил долго, пригоршню за пригоршней, и только потом позволил себе думать.

Пресная — значит, не озеро-накопитель, где к лету вода горчит. Мутная — значит, проточная и течёт оттуда, где размывает берега. Он присмотрелся. Мимо медленно проплыла камышинка, за ней клочок пены. Течение шло справа налево. Солнце поднималось над камышом на том берегу, прямо перед ним. Значит, он стоит лицом на восток, справа у него юг, слева север, и вода течёт с юга на север, к морю. Вверх по течению — юг.

К морю идти незачем. Люди живут выше.

Он проверил карманы жилета, как проверяют себя после падения. Блокнот и два карандаша. Очки в футляре. Складной нож с плоскогубцами, отвёрткой и пилкой. Зажигалка. Мёртвый телефон. Арафатка на шее, а под ней, на засаленном шнурке, бабушкин крестик — алюминиевый, лёгкий, как пуговица. Глеб носил его не по вере, а по привычке, как носят часы, которые давно остановились. Воды, еды и шапки

не было.

Он пошёл вдоль протоки на юг.

*

Берег то поднимался гривой, сухой и заросшей, то спускался к самой воде мокрым илом. На гривах росла туранга — так Бердах называл здешнее кривое дерево с серой корой и листьями двух сортов: узкими внизу и круглыми наверху. Между турангами стоял гребенщик в розовом цвету и цвела джида. У них под Астраханью её звали лохом, и пахла она так же густо и сладко, мёдом с корицей. В тени висели тучи комаров. Через полчаса шея и руки у Глеба были в волдырях, и он перестал отгонять комаров.

Он ждал звуков, которые бывают у любой реки. Лодочный мотор. Собачий лай. Трактор за дамбой. Радио на рыбацком стане. Звуков не было. Были птицы, плеск рыбы, сухой шелест камыша. Один раз в зарослях что-то тяжело заворочалось и ушло, ломая стебли. Кабан, судя по следам на иле: глубоким, раздвоенным, с ямками от боковых копыт.

На следующей отмели Глеб остановился.

Посреди иловой проплешины, у самой воды, шла цепочка следов. Круглых, крупных, каждый шире его ладони. Четыре пальца и подушка. Когтей нет. Следы были свежие: в отпечатках ещё блестела вода.

Глеб присел на корточки. Камышовый кот? Нет, слишком велики. Собака? Собаки оставляют когти. Он смотрел на следы, а видел зал краеведческого музея, выцветшую со-

ломенную шкуру и мутный стеклянный глаз. Последний туранский тигр, убит в сорок девятом году.

«Заповедник, — сказал он себе. — Завезли откуда-нибудь. Леопарда, барса — мало ли». Он встал и пошёл дальше, быстрее, чем раньше, и больше не останавливался.

К полудню он увидел дым.

*

Стан стоял на высокой гриве, где протока делала излучину. Три шалаша из камыша, связанного пучками, навес из жердей, под навесом вязки рыбы, вялившейся на ветру. На берегу две лодки: одна долблёная, из целого ствола туранги, другая плоскодонная, из досок. На кольях сушились сети. Над костром на треноге висел котёл.

Залаяла собака, рыжая, вислоухая, и из-под навеса выскочили двое детей. Увидели Глеба, замерли и с визгом бросились обратно. Из шалаша вышла женщина, взглянула на чужака и тут же натянула на лицо край платка. Но смотреть не перестала.

Последним появился мужчина лет тридцати, широкоплечий, с длинной косой, перекинутой через плечо. В руке у него была острога. Он не замахивался, просто держал её так, чтобы было видно.

Глеб остановился и поднял пустые ладони.

— Ассалому алейкум, — сказал он, как здоровались в Нукусе.

Мужчина с косой не ответил. Ответил другой голос, стар-

ческий и сипловатый:

— Ва алейкум ас-салам.

Из-за дымного костра вышел старик. Невысокий, сухой, в выгоревшей рубаше до колен, белая борода подстрижена клином, голова обмотана тканью, как полотенцем после бани. Он сказал что-то длинное ровным голосом. Глеб не понял ни слова.

Язык был ни на что не похож. В Москве на стройках Глеб слышал и узбеков, и таджиков, а здесь, в дельте, — каракалпакскую речь Бердах. Это было что-то другое: гортанное и вместе с тем мягкое, с цокающими звуками — то «ц», то «дз», — каких не было ни у кого из них.

— Не понимаю, — сказал Глеб по-русски и развёл руками. Потом вспомнил одно из немногих слов, которым научил его Бердах: — Су. Су бор ми? Воды нет?

Старик нахмурился. Зато мужчина с косой опустил острогу.

— Су? — переспросил он.

— Су, — обрадовался Глеб. — Су. Вода.

Мужчина сказал что-то старику, тот кивнул. Через минуту Глеб сидел в тени под навесом и пил из глиняного кувшина с отбитым носиком, а дети разглядывали его из-за вязок рыбы, как разглядывают зверя в зоопарке.

*

Старика звали Шади. Это Глеб понял, когда тот постучал себя по груди и трижды повторил слово. Мужчину с косой

звали Арслан. Он был зятем старика, женщина — дочерью, дети — их детьми. Говорили они между собой на двух языках. Старик и дочь — на том, непонятном. Арслан с детьми — на другом, и в этом другом Глеб изредка узнавал слово-другое. Речь была похожа на каракалпакскую речь Бердаха и на казахскую, которую Глеб слышал в детстве на астраханском базаре, — похожа так, как бывает похож голос родственника, которого видишь впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.